

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

КОВАЛЕНКО С. В., д-р филос. наук, ЕРМОЛАЕВА Л. К., канд. ист. наук

Статья посвящена анализу методологических проблем исследования синергетической самоорганизации человека. В основу анализа положена историческая последовательность ее этапов. Авторы доказывают, что сущность современного кризиса в России составляет переход от стадии «человека природного» к «человеку экономическому», ориентированному на частный интерес.

Ключевые слова: духовность, сущность человека, конфликт сущности и существования.

HUMAN ESSENCE AND HISTORICAL STAGES OF ITS REALIZATION

KOVALENKO S.V., Ph.D., ERMOLAEVA L.K., Ph.D.

The article analyzes methodological problems of synergy human self-organization research based on the historical sequence of its stages. The essence of the crisis in present day Russia is defined as a transition from «natural man» to «economic man» private interest oriented.

Key words: soul, human essence, essence and existence conflict.

В XX в. грандиозные катаклизмы дважды раскалывали Россию как историко-социальный организм. Возможно, причиной разлома единого организма была неадекватная оценка потенциала и возможностей развития страны со стороны субъекта власти. Исследование причин возникновения таких неадекватных оценок и их последствий, в виде структурных кризисов, пережитых страной, предполагает поиск новой методологии познания реальности и, прежде всего, человека. Изучение сущности человека, исторических этапов его самоорганизации в России строится на основе методологических принципов теоретического исследования. Согласно концепции В.С. Степина, развитие теоретического знания развертывается в последовательности этапов классической, неклассической и постнеклассической рациональности¹.

Классические концепции абсолютизируют фактор сознания и способность человека формулировать ценности за пределами реальности. Поэтому понятие «человек» рассматривалось как сущее, выходящее за рамки живого мира и, в известной мере, противостоящее ему. Онтологическая позиция в трактовке понятия «духовность» заключается в исследовании духовности как системы развития социальных качеств и адаптации человека к социуму (В.Г. Федотова, В.Е. Кемеров, П.В. Симонов, В.Л. Лекторский и др.). Так, утверждается, что «духовность есть проявление качества личности, точнее – ориентации его сознания, осуществляющего изнутри мотивированное включение в общественную жизнь»: духовность как бы позволяет «измерить рост человека в каждом из людей»². В данном контексте духовность означает субъективную способность личности осознать свою связь с обществом и человечеством.

С точки зрения метафизического подхода понятие «духовность» рассматривается как феномен трансцендентального общения личности с божественной природой Христа. По мнению Н.А. Бердяева, божественный импульс

создал основу и цель духовных устремлений человека. Трансцендентальная сущность духовности человека заключается в его способности выйти в иное измерение бытия, к вечному. Это постоянный поиск личной связи с идеалом. Духовность представляет собой систему взаимосвязи уникального существования человека и его родовой сущности, воплощенной в разуме Космоса. Чем более полно человечество реализует свою сущность, тем стабильнее его существование как совокупного носителя Разума во Вселенной³. По мнению А.А. Нуйкина, сущность духа человека заключается в том, что объекты материального мира заменяются их образами или мыслеформами, которые начинают жить своей особой самостоятельной жизнью, взаимодействуя друг с другом⁴. Метафизические концепции духовной сущности человека основаны на классической парадигме, в которой феномен всеобщности абсолютизируется, а индивидуальность подгоняется под целевые установки всеобщности.

Абсолютизация фактора духовности в трактовке всеобщности проявляется в категории «смысл жизни». Эта категория вводит человека в сферу универсальной духовной самоорганизации личности, дающей ей возможность преодолеть противоречие между своей сущностью и реальностью существования. Духовное самоопределение граждан в вопросе о «смысле жизни» составляет «духовное ядро» цивилизации. Онтология кризиса духовности российской цивилизации обусловлена сменой приоритетов индивидуального поиска цели и смысла жизни. Поиск цели и смысла жизни в парадигме классической рациональности выявляет внутреннее противоречие и конфликтность, что проявляется в комплексе «Аполлона» – склонности преобразовать мир без учета фактора реальности. В этом контексте Линн Уайт усматривал истоки экологического кризиса в христианстве. Он исходил из того, что «...современную технику можно хотя бы отчасти объяснить как западную волюнтаристскую

реализацию христианского догмата о трансцендентности человека по отношению к природе и о его полнокровном господстве над ней»⁵. Превращение духовно-религиозных ценностей в доминирующий фактор неизменно приводит к конфликту телесного и духовного на уровне личности, а также к многочисленным конфессиональным и социальным противоречиям. Современный духовный кризис России, безусловно, связан с переходом от телеологической парадигмы понимания духовности как ядра сущности человека к онтологической. Необходимость снятия социально-экологических противоречий стала той внутренней движущей силой, которая стимулирует поиск адекватной сущности человека.

Традиционно в российской ментальности доминировали классические или телеологические концепции, основанные на принципе «служения» личности общему делу. Сегодня общественное мнение высказывает сомнение в возможности Разума создать разумно организованное общество. Идет процесс перехода от принципа «служения» общему делу к принципу индивидуальной самореализации посредством созидания общественно-значимых ценностей. Поэтому, в парадигме неклассической рациональности исследователи сущности человека делают акцент на экзистенциальной непознаваемости таких движущих сил самоорганизации, как чувства, интуиция, озарение, воображение и т.д. Современный кризис духовности связан со стремлением индивиду стать центром своего мировоззрения и независимо от каких-либо внешних центров силы, самостоятельно формировать цели и смысл своей жизни. Поиск индивидуального «смысла жизни» для личности означает преодоление физического и нравственного хаоса, создание некоего единства психофизиологических задатков и способностей с требованиями природной и социальной среды обитания. Логика эволюции неклассических концепций проявилась в критике интеллектуальности и телесности, ставших отличительными характеристиками постмодернизма⁶.

Концепции неклассической рациональности делают акцент на идее неуправляемости спонтанного потока жизни. Преодолеть силу этой стихии человек может только опираясь на свой экзистенциальный потенциал. На его основе личность обретает смысл жизни, который выражается в поисках творческой субъективности. Абсолютизация фактора экзистенциальности стала своеобразной реакцией на давление технократических стандартов и стихии рынка – непредсказуемость будущего. Из этого следует тезис о том, что «нет смысла искать сущность человека. У философской антропологии вообще нет самостоятельного предмета. Она представляет собой набор онтологических идей и принципов»⁷. Следует

подчеркнуть, что абсолютизация фактора экзистенциальности в концепциях неклассической рациональности неизбежно ведет к разрушению феномена духовности как взаимосвязи эмпирического бытия человека и ноосферной перспективы развития человечества.

Противоречие классической и неклассической парадигмы теоретического знания, в том числе и трактовки сущности человека, проявилось в необходимости создания космопланетарной научной картины мира, объяснения феномена антропоной самоорганизации материи. Антропный космологический принцип (АКП) обосновывает физические взаимосвязи, взаимообусловленность человека и Вселенной, ставит проблему цели и смысла глобальной эволюции универсума. В основе этого принципа лежат «антропные аргументы», т.е. чрезвычайно точное соответствие универсальных физических параметров различных полей. Даже небольшое изменение одного из параметров, если бы оно произошло в действительности, вывело бы из строя одно или несколько звеньев «тонко подстроенной» эволюционной цепи, необходимой для возникновения во Вселенной устойчивых структур, которые образуют основу нашего высокоорганизованного мира⁸. Анализ данных неклассической физики и космологии требует постановки проблемы цели или целесообразности развития как Космоса, так и человека.

Основоположник космопланетарного объяснения феномена эволюции живого В.И. Вернадский выдвинул тезис о трансформации энергии из одного состояния в другое, в том числе и о превращении биогеохимической энергии в энергию человеческой культуры⁹. Исследование самоорганизации человека на основе пространственно-временных и материально-энергетических взаимозависимостей Вернадского положило начало теоретическому познанию сущности человека в парадигме постнеклассической рациональности. Данный тип научной рациональности дает возможность соотнести знание о человеке с социальными ценностями и целями развития в контексте космопланетарной научной картины мира. Следует отметить, что параллельно онтологические исследования человека в этом направлении разрабатывались М. Шелером. Исследователь рассматривал человека как существо, которое отличается от форм, предшествующих ему в животном мире, только степенью сложности соединения энергий и способностей, которые сами по себе уже встречаются в низшей по сравнению с человеческой природе¹⁰. Единство живого и Космоса заключается в системе пространственно-временных и материально-энергетических взаимозависимостей. Вектор эволюции определяется универсальной закономерностью интенсификации

энергоинформационного взаимодействия, т.е. негэнтропийной самоорганизации материи.

Антропный принцип предполагает акцентировать внимание на движущих силах самоорганизации в целях более эффективного использования биогенной геохимической энергии для расширенного воспроизводства. Онтологическое исследование сущности человека в парадигме постнеклассической рациональности совмещает исследование истории, реальности и перспективных возможностей самоорганизации в контексте биосферных взаимодействий. В данном контексте самоорганизация человека представляет собой процесс превращения рассеянной энергии природы в концентрированную энергию ценностей. Значение этих ценностей определяется их ролью в воспроизводстве человека в системе биосферных взаимодействий. Негэнтропийность человека в физиологическом аспекте проявляется в эффективной телесной организации; в социальном аспекте – в ориентации граждан на созидание общественно значимых ценностей; в духовно-нравственном аспекте – в доминировании чувств и идеалов общности, в созидании ценностей. Исходя из вышесказанного, под человеком мы понимаем субъекта негэнтропийной деятельности, осуществляемой посредством субъективно-духовного моделирования его реальности в целях создания оптимальных условий жизнедеятельности в системе антропо-экологических взаимодействий.

Рассматривая человека как субъекта негэнтропийной деятельности, современная американская наука исследует системы взаимодействия человека с миром высших ценностей. Это взаимодействие определяется архетипами самореализации, которая протекает в условиях современного общества. Тип «экономического человека» (обозначается как REMM) ориентирован на экономический успех. В нем он обретает подъем духа, самоуважение и веру в свои силы. Его успех – это признание рациональности, полезности и эффективности действий в реальном (материальном) мире. «Социологический» человек (социальный архетип SRSM), напротив, обретает подлинное «Я» лишь тогда, когда несет любовь ближним и получает признание людей. Сфера его деятельности – мир человеческой психики, который образует второй полюс реального мира. «Альтернативный» человек (социальный архетип ADON) «находит себя» в процессе интеллектуального творчества, преобразования информационного мира. «Отчужденный» человек (архетип ADAM) «находит себя» в реализации мощных идей. «Отчужденный человек» раскрывается как «человек политизированный». Его характеризуют аскетизм и атомизация, апелляция к совести и долгу, известная отстраненность от реальной жизни общества. Духовным стержнем каждого архетипа являет-

ся представление о свободе, цементирующее устои четырех взаимосвязанных архетипов гражданского общества. Из их взаимодействия складывается «общечеловеческий мир» современного западного сообщества¹¹.

С нашей точки зрения, в данных классификациях феномен человека рассматривается в определенном пространственно-временном континууме, в котором доминирует базовая модель самоорганизации. Наше исследование направлено на выделение доминирующего типа личности, который определяет эпоху или стадию самоорганизации человека в процессе реализации его потенциала. Переход человека от одной стадии к другой определяется уровнем реализации антропологических установок индивидуальной и групповой программ, а также степенью их сбалансированности. На каждом уровне существует свой вектор свободы выбора, а все остальные следует рассматривать как потенциальные, доступные только ограниченному кругу лиц. Критерием эволюции является расширение возможностей самореализации каждого посредством негэнтропийной деятельности, направленной на созидание антропологических или общечеловеческих ценностей.

Негэнтропийная деятельность человека формируется на основе роста его способности использовать потенциальную энергию среды обитания, социального взаимодействия и интеллекта. Процесс концентрации энергии в ценностях и их использование определяется не только сознанием, но и антропологическими установками, действующими на бессознательном уровне. Эти установки ориентируют человека на оптимизацию биохимических функций организма, обеспечивающих его физиологическое и психологическое здоровье в системе социального и культурного взаимодействия. При этом следует подчеркнуть, что феномен культуры предполагает оптимизацию биохимических функций организма и их корректировку в процессе социальной самоорганизации. В данном контексте биохимическая энергетика организма проявляется в действии антропологических установок, ориентирующих человека на сохранение жизни, продолжение рода, самоутверждение посредством созидания общественно-значимых ценностей социума. Конечной целью этой деятельности является рост уровня и качества жизни человека, а также раскрытие его творческого потенциала в созидании антропологически значимых ценностей.

В сложном взаимодействии биосферных, биогенетических и социально-культурных феноменов можно выявить глубинные антропологические программы, которые определяют качество самоорганизации человека. Первым этапом самоорганизации является этап «человека природного», целью которого становится выживание в конкретной природно-климатической среде обитания. Влияние конкретных

условий среды обитания на особенности самоорганизации стало предметом исследования в работах Ш.Л. Монтестье, К. Риттера, Ж.Е. Ренана, Г.Т. Бокля, Ф. Ратцеля, Л.И. Мечникова, Л.С. Берга. Л.Н. Гумилев выдвинул положение о биоценозе, определяющем постоянную соразмерность экологического потенциала территории с численностью людей, проживающих на ней. Первичная классификация Гумилева выделяла: 1) этносы, входящие в биоценоз, вписывающиеся в ландшафт и ограниченные тем самым в своем размножении; 2) этносы, интенсивно размножающиеся, расселяющиеся за границы своего биохора и изменяющие свой первичный биоценоз¹².

Взаимосвязь особенностей климата, трудовой деятельности и национальных традиций была замечена еще В. Ключевским, который писал: «В одном уверен великоросс – что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным нежданым ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля... Так, великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья»¹³. Резко континентальный климат в сочетании с малоплодородными почвами создавал зону рискованного земледелия. Русский человек был вынужден жить в общине, подчиняясь ее ментальным установкам и нормам.

Устойчивость основной ячейки этноса – сельской русской общины – достигалась за счет оттока «лишних» людей за пределы основной территории расселения этноса. Экстенсивный характер развития отличал русскую культуру как от культур Западной Европы, где такие возможности были исчерпаны к XII–XIV вв., так и от цивилизаций Юго-Восточной Азии, в частности Китая, Японии, Кореи¹⁴. Община, «выдавливающая» «лишних» людей за свои пределы, неизбежно воспроизводила себя на новом месте, поскольку человек в российских условиях мог выжить только создавая новые общины, будь то в городе или на новых, неосвоенных пространствах. Русский этнос, по всей видимости, единственный на евразийском материке, который на протяжении, по крайней мере, десяти веков практически непрерывно расширял территорию обитания. Это позволяло ему вовлекать в сферу жизнедеятельности все новые земельные и другие природные ресурсы, снимая противоречия, вызревавшие внутри каждой его ячейки.

Важнейшей характеристикой этого типа самоорганизации является отказ «человека

природного» от своего личностного начала и признание приоритетности интересов высших сил, воплощенных в доминирующем субъекте. Таким субъектом становился тот, кто мог дать гарантии реализации антропологических установок на сохранение жизни и продолжение рода. Задача сохранения рода требовала организации социального взаимодействия на основе кровнородственных связей. Доминирующими нравственными ценностями были ценности поддержки «своих» в противостоянии с миром «чужих». Сплочение «своих» осуществлялось посредством сакральных и властных ценностей, которые воспринимались «человеком природным» как божественная гарантия выживания рода в неуправляемой стихии природно-климатических, социальных и духовных катаклизмов. Задачей «человека природного» становится вхождение в процессы биоценоза – сбалансированного и устойчивого воспроизводства природного и социального цикла в рамках какого-либо локального географического пространства. «Античное понимание историзма, – писал Лосев, – будет складываться по типу вечного круговращения небесного свода, т.е. будет тяготеть к тому типу историзма, который мы выше назвали природным историзмом. <...> именно природа будет моделью для истории, а не история – моделью для природы»¹⁵.

Мировосприятие «человека природного» основано на трансформации биологического понятия «род» в социальный принцип самоорганизации и миропостроения. Род – это «Родина», а природа – все, что находится при роде. «Человек природный» – это человек общины, мир которого делится на «своих» и «чужих». «Свои» – это кровные родственники, связанные единством рода, т.е. последовательностью поколений. Все, кто вне рода, определяются как «отродье», т.е. инородцы. Все отошедшие от рода становятся «уродами» – лишены психической силы рода¹⁶. Источником такого типа самоорганизации, по мнению Э. Морену и С. Московичи, является природа, а идея коллективной организации имманентна биосу. Это значит, что сообщество, основанное одновременно на конкуренции и солидарности, не является исключительно человеческим явлением. Феномен социальной организации очень широко распространен в природе, это фундаментальная форма самоорганизации живых систем. Таким образом, человеческое общество – это один из вариантов «чудесного развития природного социального феномена»¹⁷.

Отражение ментальности «человека природного» можно увидеть в истории русской философской мысли. Славянофил Ю. Самарин писал: «Общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории – прошедшей, настоящей и будущей... Общинный быт в существе его... основан не на личности и не

может быть на ней основан...»¹⁸. П.А. Кропоткин пытался доказать личности необходимость отказаться от своей самодеятельности, подчинить себя роду, видя в этом гармоническое разрешение проблемы: «...никогда, ни в какую эпоху истории, ни даже геологии благо индивиду не было и не могло быть противоположно благо общества. Во все времена они оставались тождественны, и те, которые лучше других это понимали, всегда жили наиболее полной жизнью»¹⁹. Поиски идеала, согласующего интересы личности и общины, составляли суть ментальности «человека природного», являясь в то же время отличительной чертой мышления представителей славянофильской и социалистической мысли. Ментальность «человека природного» в современных условиях воспроизводится отдельными представителями современной ноосферологии в концепциях «экологического человека».

Рассматривая человека как субъекта негэнтропийной самоорганизации, мы подчеркиваем, что процесс негэнтропии реализуется в созидании ценностей. Созидание для «человека природного» воплощалось в сакральных или властных ценностях,²⁰ посредством которых осуществлялось либо принудительное равенство членов общины, либо организованное принуждение к тяжелому, но необходимому труду. Поэтому для «человека природного» труд был либо священным долгом, либо тяжелой необходимостью. С.Н. Булгаков подчеркивал, что этика труда есть в конечном итоге вопрос о господстве духовного начала над материальным²¹. По мнению Т. Коваль, трудовая этика Православия призывает «молиться и трудиться», поэтому духовно-нравственным идеалом для православного человека стал образ монаха-аскета. Повседневный труд «человека природного», не освещенный высшим смыслом служения Богу и ближнему, подталкивал субъекта к пересмотру духовной модели негэнтропийной самоорганизации. Вектором выбора стали идеологические модели крестьянского общинного социализма или капиталистического предпринимательства.

Конфликт сущности и существования в восприятии человека снимается, если трудовая деятельность личности способствует реализации антропологических установок личности, создавая возможности для индивидуальной самореализации. Человек, создав гарантии сохранения жизни и продолжения рода, испытывает потребность освобождения от уз кровнородственных связей, создания возможностей индивидуальной самореализации вне общины. Тем самым создаются предпосылки перехода от одного уровня самоорганизации к другому, дабы снять противоречия антропологических установок. В этом процессе объект порождает «свое иное», которое взаимодействует с породившим его основанием и наращи-

вает новые уровни организации, формируя новое целое²². Применив этот принцип к «человеку природному», мы получаем субъекта, снимающего свои внутренние противоречия посредством создания «своего иного» – «человека экономического». Негэнтропийной основой его развития становится потребность личности в рационализации социального взаимодействия. На основе этой негэнтропийной посылки возникает экономическая деятельность человека. Она, по мнению Н.В. Клягина, основана на действии естественных инстинктов конкуренции, заложенных в биогенетической природе человека²³.

Архетип «экономического человека» ориентирован на максимизацию выгоды, понимаемой им как приращение лично контролируемых материально-финансовых ценностей. В этом процессе он обретает подъем духа, самоуважение и веру в свои силы, признание рациональности своих действий в системе кровнородственных и социальных связей. Социум «человека экономического» качественно расширяет вектор свободы самореализации, направляя личность на поиск новых источников энергоресурсов для развития. Критерием негэнтропийной эволюции является расширение возможностей самореализации каждого посредством деятельности, целью которой становится рост прибыли. По мнению Вебера, эволюция – это процесс рационализации, вытеснения из человеческого действия всех тех элементов, которые препятствуют достижению поставленной цели. Поэтому нравственными ценностями «человека экономического» становятся «призвание», «кредитоспособность», «труд как долг»²⁴. Отсюда в обществе возникает подъем эмпиризма, рационализма, а в религии – принцип непосредственной очевидности (в связи с реформацией), т.е. научности в самом широком смысле слова²⁵.

Энергетика индивидуализма «человека экономического» может настолько резко усилить интенсификацию энергоинформационного действия, что оно способно разрушить системы взаимодействия личности, общества и биосферы. Тем самым воспроизводятся универсальные принципы соотношения энтропийных и негэнтропийных процессов, определяющих развитие как физических, так и социальных процессов. Взаимодействие этих процессов порождает угрозу «бифуркации» или социального хаоса. В принципе, глобальные конфликты XX в. (революции и мировые войны) можно рассматривать как столкновение различных типов самоорганизации человека. Кризис современности проявляется в противоречии «человека природного» и «человека экономического». Конфликт этих уровней самоорганизации приводит к поиску силы, способной ограничить потенциал хаоса. «Человек природный» рассматривает в качестве такой силы

божественное или властное начала. «Человек экономический» такую силу видит в экзистенциальной самореализации созидания, освобождающего энергию интеллекта.

Универсальность негэнтропийного процесса проявляется в закономерности становления мирового рынка как системы, интегрирующей личность, этносы и социумы в глобальной всеобщности. Рынок как система, с одной стороны, формирует дух активности личности, с другой – представляет собой школу апробации технологии кооперативного взаимодействия личностей на этапе индустриального и информационного производства. Основой становления кооперативного взаимодействия личностей и естественным ограничителем потенциала энтропийных – деструктивных процессов становятся антропологические установки «человека экономического». Эти установки, ориентирующие человека на сохранение жизни, продолжение рода, самоутверждение посредством участия в созидании общественно-значимых ценностей, оформляются в концепциях естественных и гражданских прав человека, а также в идеях социальной справедливости. Антропологические установки, оформленные как концепции прав человека, создают видение «человеком экономическим» определенного соотношения меры труда и потребления, необходимой для расширенного воспроизводства и самоорганизации общества. «Человек экономический» ориентирован на реализацию своего частного интереса, но столкновение интересов конкурирующих личностей объективно снимается введением норм социальной справедливости. Эти нормы создают условия становления бытия человека в гармонии с его родовой сущностью. Тем самым создается механизм восстановления негэнтропийности общественного бытия человека.

Снятие противоречия двух типов самоорганизации осуществляется в выходе на новый уровень реализации родовой сущности человека – появлении «человека разумного». Процесс раскрытия сущности человека представляет собой многоярусный уровень негэнтропийных взаимодействий и противоречий, которые реализуются во взаимоотношениях людей, в материально-технологических, социально-экономических и духовно-этических сферах. Снятие этих противоречий осуществляется системой антропологических потребностей в создании гармонизирующих коммуникационных взаимодействий между индивидуальным и всеобщим. Создание новых коммуникаций на основе взаимного признания прав и обязанностей, свободы и ответственности, участия в принятии управленческих решений создает основы развития духовности на новом историческом этапе развития, формирует локальные цивилизации «человека разумного». Духовным ядром цивилизации «человека ра-

зумного» становится поиск свободной личностью адекватных методов и способов реализации своего творческого потенциала посредством участия в созидании общечеловеческих ценностей. Созидание таких ценностей является оптимальным способом преодоления кризисных тенденций в системе социальных взаимодействий российской цивилизации.

Опыт становления и развития российской цивилизации показывает неизбежную закономерность прохождения исторических этапов самоорганизации человека. Сущность современного кризиса России составляет переход от одного этапа самоорганизации человека к другому, но этот переход неизбежен, он открывает новые перспективы развития.

Примечания

¹ См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М., 2000.

² *Федотова В.Г.* Душевное и духовное // *Философские науки.* – 1998. – № 7. – С. 57.

³ *Брагин А.В.* Специфика Человека, его существования и сущности // *Проблемы изучения человека в социально гуманитарном знании /* Ред. кол.: В.Е. Кашаев, Е.Н. Коломоец, Л.Б. Макеева, А.Н. Портнов; Науч. ред. М.А. Кукарцева. – Иваново: ИвГУ, 2000. – С. 19.

⁴ *Нуйкин А.А.* Истинностная и ценностная компоненты познания // *Вопросы философии.* – 1988. – № 5. – С. 80.

⁵ *Уайт Л.* Исторические корни нашего экологического кризиса // *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности.* – М.: Прогресс, 1990. – С. 199.

⁶ *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 24–25.

⁷ *Смирнов С.А.* Современная антропология. Аналитический обзор // *Человек.* – 2004. – № 3. – С. 87–88.

⁸ *Гившивили Г.В.* Есть ли у естествознания альтернатива Богу // *Вопросы философии.* – 1995. – № 2. – С. 46–47.

⁹ *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста//*Научная мысль как планетное явление.* Кн. 2. – М.: Наука, 1977. – С. 95.

¹⁰ *Шелер М.* Положение человека в Космосе // *Проблемы человека в западной философии.* – М., 1988. – С. 32.

¹¹ *Васильчук Ю.А.* Социальное развитие человека. Общество и реформы // *Общественные науки и современность.* – 2001. – № 1. – С. 20–22.

¹² *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. – СПб.: ООО «Издательский дом «Кристалл»», 2002. – С. 65–66

¹³ *Ключевский В.О.* Сочинения. В 8 Т. – М., 1956. – Т. I. – С. 313–314.

¹⁴ *Шкаратан О.М.* Русская культура труда и управления // *Общественные науки и современность.* – 2004. – № 1. – С. 39.

¹⁵ *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – С. 19.

¹⁶ *Колесов В.В.* Мир человека в слове древней Руси. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 23–25, 63.

¹⁷ *Карцев Е.А.* Постмодерн как фаза цивилизационного развития и междисциплинарный дискурс // *Философия хозяйства.* Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2004. – № 5. – С. 131.

¹⁸ *Самарин Ю.Ф.* О мнениях «Современника», исторических и литературных // *Избранные произведения.* – М.: Моск. филос. фонд: Росспэн, 1996. – С. 431–432.

¹⁹ *Кропоткин П.А.* Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – С. 315.

²⁰ *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 87

²¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – С. 186.

²² Дрюк М.А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 105.

²³ Клягин Н.В. Человек в истории. – М., 1999. – С. 116, 117.

²⁴ Вебер М. Протестантская этика и «дух капитализма» // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 73, 83.

²⁵ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – С. 376.

Коваленко Сергей Владимирович,
ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»,
доктор философских наук, доцент кафедры связей с общественностью, политологии, психологии и права,
телефон (4932) 26-97-83,
e-mail: adm1@pr.ispu.ru

Ермолаева Любовь Константиновна,
Ивановский филиал «Российского государственного торгово-экономического университета»,
кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных и правовых дисциплин,
телефон (4932) 37-67-98.